Венгерские народные сказки

Коза-вещунья

А вот еще было там, где и не было, да не так уж чтоб далеко – в Голубином селе, жил-поживал бедный пастух, молодец из себя каких мало. Не было у парня ничего на свете, одна только палка да хитрющая коза-вещунья. И, чтоб вы знали, парень без труда управлялся с целой сотней чужих овец, а с этой своей козой ну никак сладить не мог. Бедовая животина все норовила от стада отбиться, своей дорогой идти, порядка знать не желала. Уж парень всяко ее учил, да без толку. Мучился он так, мучился, а потом не выдержал, схватил свою палку и пустил ее что было силы козе в бок. Коза – бе-е! – да еще дальше скок! Парень за палкой, а ее и нет нигде – вот чудо-то! – как сквозь землю провалилась.

Подбежал пастух к тому месту, где палка упала, а там дыра, да такая, что и человек свободно пролезет. «Ну нет,– подумал пастух,– я свою палку сыщу, жизни не пожалею, у меня ведь, кроме нее, никакой памятки от отца не осталось». Крикнул он лихо: «Прощай, белый свет!» – да с тем и нырнул в яму, провалился, будто его никогда в этом мире и не было. Семь дней, семь ночей летел парень вниз, только на восьмой день почуял, что опять твердая земля под ногами.

И в какие ж края попал он, бедная головушка! Луга здесь одной золотой травой поросли, в речках только золотые рыбки плещутся, в лесах златоперые птички пересвистываются. Идет пастух, по сторонам глядит и всему дивится; вдруг видит – дворец стоит, так и сверкает весь, переливается, глаза слепит. Над воротами три брильянтовых яблока вместо свечей висят, все вокруг освещают, а уж в самом дворце таких яблок и не счесть. «Эх,– подумал пастух,– жизнь одна, да и смерть одна, войду-ка я в этот дворец, погляжу, что за народ там живет». И хорошо, что решился: во дворце-то феи жили, одна другой краше. А уж как они молодцу пастуху обрадовались! Окружили его, завертели в танце, до тех пор плясали, пока не запросил он пощады.

– Отпустите меня, красавицы, у меня ведь дело есть,– взмолился парень,– надо палку свою отыскать.

Но феи и слушать его не хотели, до самой полуночи во дворце продержали. А как пробило полночь, самая красивая фея и говорит:

– Вот теперь, пастух-молодец, можешь в путь отправляться. Но о палке своей забудь, тебе ее никогда уже не найти. Что с вашей земли в наши края попадает, то назад не возвращается. Но ты не горюй, мы тебе золотую хворостинку подарим, она тебе пригодится. Эта хворостинка волшебная: тронешь ею живую тварь – помрет на месте, а неживого коснешься – оно, какое ни будь большое, тотчас съежится, совсем маленьким станет, хоть в карман клади да с собой уноси.

Поблагодарил пастух фею за подарок, а сам думает: «Да уж и бог с нею, с палкою, эта хворостина, видать, дорогого стоит». И пошел он по подземной стране куда глаза глядят; долго шел, вдруг видит – медный дворец стоит. А в том дворце сидит у окошка красавица девушка. Поздоровался пастух:

– Доброго тебе утречка, красавица!

– И тебе, бедный человек, и тебе. Каким ветром занесло тебя в эти края, куда и птица не залетает?

– Я-то своими ногами сюда забрел, а вот ты как здесь оказалась, скажи?

– Очень даже просто, добрый молодец, меня семиглавый дракон умыкнул.

Слово за слово, разговорились, пастух в оконце к девице прыгнул, и условились они вместе от семиглавого дракона бежать, пока тот в лесу охотится.

Да только задрожал вдруг дворец, заходил ходуном, так что звон пошел: семиглавый дракон домой летит, из семи пастей огонь пышет, все впереди обжигает. Испугалась девушка, второпях пастуха под кроватью спрятала. А дракон уже в двери, да с шумом, с громом; вошел, потянул носом, спрашивает девушку:

– А ну, признавайся, кто тут у тебя гостит? Чую дух человечий.

Девушка клянется-божится, что нет у нее никого, да только семиглавый дракон слушать ее не стал, все вверх тормашками перевернул – нашел пастуха под кроватью.
Ох, видать, сгинуть приходится бедолаге!
Да только не испугался пастух дракона, вспомнил про волшебную хворостинку, ударил ею страшилу, тот наземь так и грохнулся, даже гул пошел. Упал и в одночасье помер.
– Вот теперь можно и уходить,– сказал пастух,– этот уже не проснется.
Вышли они из дворца, пастух ударил по стене хворостинкою, и в тот же миг – видали вы чудо такое? – превратился медный дворец в медное яблочко.
Пастух медное яблоко в карман положил, и пошли они прочь. Долго ли шли, коротко ли – увидали серебряный дворец. А у окошка девушка сидит, еще краше первой. Разговорились с нею: оказалось, ее двена-дцатиголовый дракон украл.
– Ну, погодите, вот я ему покажу! – погрозился пастух. Пригласила их девушка во дворец, а когда двенадцатиглавый драконявился, не стал пастух ждать ни хулы, ни хвалы – ткнул его хворостинкой, тот вмиг и окочурился. Пастух серебряный дворец в серебряное яблоко превратил, яблоко в карман положил, и зашагали они дальше втроем.
Шли да шли, немало прошли, смотрят – впереди золотой дворец стоит, так и сверкает. А в окошке девушка, да такая красавица, какой и во сне не увидишь. Первые две тоже ведь хороши, но против этой куда им!
Позвал и ее пастух с ними вместе идти, из подземного царства дорогу искать, если ей белый свет милее.
– Милей-то милей,– вздохнула девушка,– и дракона постылого глаза б мои не видали, да только догонит он нас и всех погубит.
– Выходи, не бойся,– крикнул ей пастух со двора,– а с драконом-то я управлюсь, даром что у него двадцать одна голова! Двоих убил, этот будет третий.
Не успел договорить, а дракон уж летит, из двадцати одной пасти огонь пышет, за версту вперед все опаляет. Прилетел во дворец, топнул лапищей, так что гул прошел.
– А вы что тут делаете, людишки поганые, кого ищете?
– Кого же, как не тебя! – отвечает пастух да как махнет золотой хворостинкою – головы драконьи все, как одна, прочь покатились.
Обрадовалась пленница, из окошка прыг да пастуху прямо на шею. Не знала, как и благодарить его, клялась, что никогда не забудет и судьбу его на лучшее повернуть поможет, лишь бы только на белый свет выбраться. А пастух и золотой дворец в яблоко золотое скрутил, яблоко в карман положил.
Пошли они теперь вчетвером и до тех пор шли, пока на ту дыру не набрели, которая на белый свет выходит. Дыра-то вот она, круто наверх ведет, а вот как взобраться?
– Экая незадача! – пастух говорит.– И ведь место нашли, не заплутались, а что дальше делать, не ведаю.
Совсем приуныл пастух, стоит, в затылке чешет, так и эдак прикидывает, а придумать ничего не может. Что ж теперь делать-то? Неужто назад ворочаться? Выходит, не видать им родимых краев как своих ушей... Девицы примолкли, дрожат: с ними-то что же будет? Лучше бы уж в тех красивых дворцах оставаться, хоть и с драконами...
Пока они так горевали, думу думали, сверху звук какой-то послышался – вроде бы коза блеет.
– Накажи меня бог, если это не моя коза-вещунья! – крикнул пастух.– Она это, ее голос! Ну, девицы-красавицы, ничего не бойтесь, мы отсюда выберемся!
Подбежал он к самому отверстию, голову задрал и завопил во все горло:
– Э-ге-гей, слышь, коза! Э-ге-гей!

– Бе-е! – отвечает коза.
– Выходит, ты это, моя козочка? Ну так скачи поскорее в село, все дворы обеги, собери все веревки, какие есть, вместе свяжи, один конец к своему хвосту прицепи, а другой в эту дыру опусти и нас вытащи!
– Бе-е! – кричит вниз коза.– Сколько вас?
– Всего четверо,– пастух отвечает.
– А бить меня больше не будешь? – спрашивает коза.
– Не буду, не буду, ты только нас вызволи!
Кинулась коза в село, все дворы обежала, веревки, какие были, вместе связала, прикрутила к хвосту крепко-накрепко, а свободный конец в дыру опустила.
Да, чуть не забыл: девицы-то были себе на уме. Пока коза в село за веревками бегала, они пастуха обступили, наговорили ему слов ласковых, так и эдак улещивали, пока не выманили все три яблока да золотую хворостину в придачу.
Сговорились на том, что первой подымется девушка из медного дворца, второй – из серебряного, третьей – из золотого, а последним пастуха вытащат.
Ох и покряхтела коза, пока трех девиц на белый свет из подземного царства вытащила, даже внизу было слышно. А девицы, на землю выбравшись, переглянулись-перемигнулись и порешили от пастуха-простака отделаться: пусть, мол, коза поднимать его станет, а как до половины подымет, мы веревку обрежем, сами же отсюда подальше уйдем, с яблоками да с хворостиной волшебной.
Как уговорились, так и сделали. Да только не был столь прост бедный пастух, как девицы думали. Решил он, прежде чем на волю выбираться, верность девиц испытать: давно уж казалось ему, что они каверзу какую-то замыслили. Подвязал он к веревке тяжелый камень, коза-вещунья веревку стала тащить, еще и до середины камень не вытащила, как злые девицы веревку и перерезали. Упал камень, раскололся, осколки во все стороны брызнули.
Ох и клял же себя пастух, что девицам неблагодарным поддался, вокруг пальца себя обвести позволил. Покричал он в дыру, позвал козу свою, да только не услышал знакомого блеянья – увели девицы вещунью с собой.
Видно, ничего не остается бедняку пастуху, как опять скитаться идти по чужой подземной земле, а родные края позабыть. Куда деваться бедняге, куда податься, где голову приклонить? «Ладно,– думает пастух,– горевать да слезы лить не мужское дело. Раз уж приходится мне под землей оставаться, проживу свой век весело». И решил он отправиться к феям, за весельем да плясками горе свое позабыть. Как решил, так и сделал. Подошел к дворцу уже затемно, а феи знай пляшут, дворец ходуном ходит. Увидели пастуха, обрадовались, обнимают его, целуют, из рук в руки передают – до тех пор по дворцовым хоромам скакали, пока у него голова не пошла кругом.
Только тогда шалуньи и угомонились. Самая красивая фея спрашивает:
– Ну что, бедная головушка, пришлось тебе воротиться несолоно хлебавши?
Не утаил пастух свою горестную историю, все рассказал им про то, как у него с теми тремя девицами получилось.
– Ничего, бедная твоя головушка, особо-то не печалься,– говорит ему красавица фея.– На-ка вот тебе брильянтовую хворостину. Девицы те, должно быть, из яблок своих опять дворцы понаделали, а ты дворцы эти брильянтовой хворостиной стегнешь, потом все три яблока рядком положишь, хворостиной по ним проведешь, и вырастет из трех дворцов один, да зато брильянтовый.
– Благодарствуй, прекрасная фея, дорог мне твой подарок, – сказал пастух,– да только что в нем проку, коли мне уж родной земли не видать?
– Про это не думай,– улыбнулась фея,– но сейчас бегом беги из дворца: вот-вот полночь пробьет!

А там – так ли, эдак ли,– что-нибудь, глядишь, и получится.
Поблагодарил пастух фею и подружек ее, распрощался и зашагал неизвестно куда. Шел, шел, увидел дерево, да такое высокое – верхняя ветка в небо упирается. А на этой ветке разглядел он орлиное гнездо и в нем шестерых орлят. Только что ж это? Обвилась вокруг ствола змея преогромная, вверх ползет, с орлят глаз не сводит. Миг еще – и она их заглотит, жадная тварь, ни одного не оставит!
«Нет, шалишь,– подумал пастух,– не бывать по-твоему!» Тотчас он за нижнюю ветку ухватился, вверх подтянулся, выше вскарабкался и так стегнул змею брильянтовой хворостиной, что она замертво на землю свалилась. Орлята опомнились от испуга, стали пастуха благодарить.
– Вот сейчас наша матушка прилетит,– говорят ему,– любое твое желание исполнит.
Вдруг дерево черная туча накрыла, прямо над гнездом встала. Только не туча это была, а старая, мудрая орлица. Принесла она орлятам своим пропитание: под одним крылом двенадцать косуль уместилось и под другим крылом столько же.
Увидела орлица пастуха возле гнезда своего, разъярилась, перья встопорщила.
– А ты это куда же нацелился?! Прощайся с жизнью, злодей, смерть твоя пришла! – крикнула орлица и одним только пером маховым шевельнула, а такой поднялся вихрь, что пастух чудом на дереве удержался.
Запищали, загалдели орлята:
– Не тронь его, матушка, он добрый человек, нас от смерти спас!
– Вон оно что,– говорит орлица,– выходит, ты наш спаситель. Чем же мне отблагодарить тебя? Проси чего хочешь.
– Эх, матушка орлица,– вздохнул пастух,– мою просьбу и тебе нелегко исполнить.
– Наверно, желаешь в родные края воротиться?
– Мудрая же ты, матушка орлица,– удивился пастух.– Угадала ведь!
– Коли так, дело это нехитрое. Доводилось мне и почище тебя господ к вам на землю переносить.
Тотчас забросила орлица на крыло себе большую суму переметную, сверху пастуха усадила, велела держаться крепче, а как она есть попросит, подавать из сумы кусок мяса побольше.
И полетели они прямо вверх, в ту самую дыру-скважину, да так шибко, что в ушах засвистело. Орлица то и дело голову назад поворачивала, еды требовала, пастух ей из сумы кусок за куском подавал.
И вот опять орлица есть просит, а сума-то пустая- Мяса, мяса давай, не то сил не хватит, тогда уж не видать тебе твоей родины.
Испугался пастух слов ее пуще казни лютой. «Лучше,– думает,– от себя отрежу кусок, лишь бы с полдороги не возвратиться». Выхватил он ножик из кармана, полоснул себя по бедру, бросил орлице мясо.
– Чую я, человечье мясо мне дал,– говорит орлица.– Но зато теперь донесу тебя куда следует.
Еще раз-другой крыльями взмахнула и вылетела из страшной бездонной дыры. Спустила пастуха наземь, простились они, он орлятам привет свой послал, и полетела орлица назад, а пастух отправился три дворца заветных искать.
Шел он долго, через горы и долы, сколько стран позади оставил, не счесть, вдруг слышит блеянье знакомое. Остановился, по сторонам огляделся, прислушался.
– Где-то здесь моя вещунья-коза!
Пошел он на голос козы своей, до тех пор шел, пока медный дворец не увидел. А в оконце первая из тех трех злодеек сидит, расфуфыренная. «Ага, – говорит себе пастух,– тебя-то мне и надо!» Махнул брильянтовой хворостиной, медное яблоко с земли подобрал, в карман положил. Пошел дальше – опять блеет коза его; так и шел за нею до самого серебряного дворца. И тут волшебной

хворостиной махнул, дворец – и с девицей в нем – в яблоко превратил, в карман положил. То же и с золотым дворцом было.
Выложил он все три яблока, на землю рядком положил, хворостиной провел, и вырос перед ним брильянтовый дворец – на семьдесят семь верст окрест таких и не видывали. Вошел он в замок-дворец смело, а вот как вошел, растерялся – вокруг все блестит да сверкает, глаза слепит с непривычки.
Ходит пастух по замку своему, все покои оглядел, а в каком на житье устроиться, не придумает. Сам не заметил, как тоска навалилась. Вздохнул тяжело, даже замок дрогнул:
– Э-эх, хоть бы одна душа живая!
Договорить не успел, как дверь отворилась – стоит на пороге та самая фея, что хворостину брильянтовую ему подарила. Подбежала фея к пастуху, обняла его, говорит:
– Ты мой, я твоя навеки!
Ох, сколько же народу к ним на свадьбу сошлось! Все плясали в охотку, стар и млад, а впереди всех коза-вещунья коленца выкидывала, на радостях все окна во дворце перебила.
Слышал я, будто завтра она и к вам наведается.